

A potem – wiadoma sprawa: siadaliśmy i każdy po swojemu zabijał czas wolny, bo przecież, bądź co bądź, każdy ma własne marzenia i odmienny temperament: jeden pił wermut, drugi, skromniejszy – wodę kolońską „Świeżość”, a kto miał większe aspiracje – pił koniak na międzynarodowym lotnisku Szere-mietiewo. I waliliśmy się spać.

Wieniedikt Jerofiejew, *Moskwa-Pietuszki*

Czas wolny, rozrywka,
używki w najnowszej
literaturze rosyjskiej

Czas wolny, rozrywka, używki w najnowszej literaturze rosyjskiej

pod redakcją
Liliany Kality

Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego
Gdańsk 2018

Recenzja
dr hab. Joanna Tarkowska, prof. UMCS

Redakcja wydawnicza
Małgorzata Kaczmarek

Projekt okładki i stron tytułowych
Karolina Zarychta

Zdjęcie na okładce
Małgorzata Marciszewska

Skład i łamanie
SUNNY

Publikacja sfinansowana ze środków
Prorektora ds. Nauki i Współpracy z Zagranicą
i Prorektora ds. Studenckich, z działalności statutowej
Wydziału Filologicznego i Katedry Rosjoznawstwa,
Literatury i Kultury Rosyjskiej oraz ze środków konferencji naukowej
„Czas wolny, rozrywka, używki w najnowszej literaturze rosyjskiej”

Publikacja powstawała w Pracowni Badań Kulturowych
nad Najnowszą Literaturą Rosyjską

© Copyright by Uniwersytet Gdański
Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego

ISBN 978-83-7865-726-2

Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego
ul. Armii Krajowej 119/121, 81-824 Sopot
tel./fax 58 523 11 37, tel. 725 991 206
e-mail: wydawnictwo@ug.edu.pl
www.wyd.ug.edu.pl

Księgarnia internetowa: www.kiw.ug.edu.pl

SPIS TREŚCI

Słowo wstępne (*Liliana Kalita*)

– 9 –

ALEKSANDRA BRZUZY

Семантика биологически активных веществ
в поэзии Янки Дягилевой и Земфиры Рамазановой

– 11 –

SVETLANA PAVLENKO

Czas wolny, zabawy i rozrywki w dziecięcym świecie Saszy Sawielewa
(Paweł Sanajew, *Pochowajcie mnie pod podłogą*)

– 25 –

MAGDALENA GOLNAU

День счастья – завтра. Оксана Робски
о духовной бедности новых русских

– 41 –

ALEKSANDRA ZYWERT

Jak się bawią nieprawdziwi ludzie? (Siergiej Minajew, *Duchless*)

– 53 –

LILIANA KALITA

Czas wolny na miłość. Uczucie jako uzależnienie
w powieści *Zielona brama* Tatiany Wiedińskiej

– 69 –

IZABELA KUC

Futu.re Dmitrija Głuchowskiego:
człowiek przyszłości i pigułka szczęścia

– 81 –

MATEUSZ JAWORSKI

Путешествие вне сознательного
в *Лампе Мафусаила* Виктора Пелевина
– 93 –

ALEKSANDRA KRÓLIKOWSKA

Sztuka samodoskonalenia Erasta Fandorina
– 105 –

KATARZYNA ARCISZEWSKA

Czas wolny i rozrywki wampira –
nowy aspekt we współczesnej literaturze wampirycznej
na wybranych przykładach rosyjskiej literatury popularnej
– 121 –

NATALIA MALIUTINA

Сюжет пьес Бориса Акунина
как интеллектуальное развлечение
(*Чайка, Гамлет. Версия*)
– 135 –

TATIANA SHEVCHENKO

Удовольствие от чтения эссе
или о причинах востребования жанра
– 147 –

SŁOWO WSTĘPNE

Tadeusz Paleczny pisze, że „[...] zjawiska związane z formami i sposobami spędzania wolnego czasu podlegają przemianom w procesach globalizacji, tak jak wszystkie zjawiska kulturowe. Dynamika tych przemian jest znacznie większa niż przykładowo zmiany kodów komunikacyjnych, języka, religii czy identyfikacji terytorialnej”¹. Czas wolny, będący manifestacją stylu życia człowieka i jego tożsamości, to kategoria, która pozwala na analizę funkcjonowania jednostki w przestrzeni społeczno-kulturalnej, jest też – w szerszym planie – odzwierciedleniem kondycji członków społeczeństwa na określonym etapie historii. Swoboda dysponowania czasem, wynikająca z przeświadczenia, iż to człowiek jest wolny, a nie czas, sprawia, że każdy może wypełniać wolne chwile swojego życia takimi formami aktywności, jakimi zechce. Wybór ten to spora odpowiedzialność, zwłaszcza dzisiaj, gdy wszechobecny konsumpcjonizm niemalże narzuca style wypoczynku oraz zajęć pozazawodowych, a niepodążanie za modą w tym zakresie może się łączyć z odrzuceniem przez grupę i przypięciem łatki dziwaka, Innego.

Badacze czasu wolnego wskazują, że może on być rozumiany jako wartość autoteliczna, cel sam w sobie, wtedy to „oznacza realizację [...] prawdy, piękna, dobra”². Takie podejście do czasu

¹ T. Paleczny, *Zabawa w czasach globalizacji* [w:] *Wąż w rajcu. Zabawa w społeczeństwie konsumpcyjnym*, red. R. Kantor, T. Paleczny, M. Banaszkiwicz, Kraków 2011, s. 11.

² M. Kazimierzczak, *Czas wolny w etycznej perspektywie* [w:] *Czas wolny – uwarunkowania społeczno-ekonomiczne i przyrodnicze*, red. K. Ciżkowicz, M. Sobczak, Bydgoszcz 2007, s. 19.

wolnego oznacza świadome korzystanie z niego dla doskonalenia własnej osobowości, pogłębiania wiedzy o świecie i innych kulturach, poszerzania horyzontów intelektualnych, kontemplowania sztuki, a nawet jej wytwarzania.

Wolny czas może stwarzać również okazję do ulegania pokusom: popadania w zależności emocjonalne od charyzmatycznych manipulantów, działającej destrukcyjnie na osobowość fascynacji utopijnymi ideami, bezkrytycznego przyjmowania wzorców życia narzucanych z zewnątrz, korzystania z rozrywek o wysokim stopniu ryzyka, sięgania po używki i uzależniania się od nich.

Literatura, która bywa zwierciadłem życia, penetruje i opisuje wszelkie przejawy ludzkiej egzystencji, w tym sposób spędzania wolnego czasu, wybierane formy rozrywki i – wyjątkowo chętnie – sięganie po używki. Dotyczy to także literatury naszych wschodnich sąsiadów i prezentowanych w niej postaci – „bohaterów naszych czasów” – nosicieli (nie)zagadkowej duszy rosyjskiej, dla których „wódka jest Bogiem” i którym czas wolny, uroki życia prywatnego przyniosła dopiero pieriestrojka³.

Różne są koncepcje czasu wolnego i pomysły na jego spędzanie, ale jedno jest pewne: czas wolny to czas unikatowy, bo niepowtarzalny i – jak to czas – szybko przemija, o czym warto pamiętać. Mając nadzieję, że lektura tej książki przyniesie satysfakcję z poświęconego jej czasu, pozostawiam Czytelnika z refleksjami badaczy najnowszej literatury rosyjskiej.

Liliana Kalita

³ Zob. W. Jerofiejew, *Rosyjska Apokalipsa. Próba eschatologii artystycznej*, tłum. A. de Lazari, Warszawa 2008.

Aleksandra Brzuzy
Uniwersytet Jagielloński

СЕМАНТИКА БИОЛОГИЧЕСКИ АКТИВНЫХ ВЕЩЕСТВ В ПОЭЗИИ ЯНКИ ДЯГИЛЕВОЙ И ЗЕМФИРЫ РАМАЗАНОВОЙ

Вызванное алкоголем или табаком опьянение как литературный мотив уже с начала XIX столетия становится предметом интереса художественной литературы и рассматривается в контексте многих авторов и течений. В XX веке, события которого во многом изменили жизненный уклад человека, породились новые формы самовыражения, в том числе являющаяся предметом данной статьи рок-культура, включающая в себя рок-поэзию. Появление рока в мире было спровоцировано стремлением молодого поколения к независимости, а также желанием вырваться из-под влияния «чужого ума», поэтому активные вещества в качестве признака протеста против реальности навсегда вошли в англо-саксонскую роковую традицию, откуда берет свое начало русская рок-поэзия. В 60-х годах наступило заимствование готовых музыкальных форм, а затем, к концу 70-х годов, их совмещение с национальной поэтической традицией, что повлияло на особенности реализации основного тематического комплекса рока (социум, свобода и любовь). Несмотря на то, что найти исчерпывающее определение для целого «рок-искусства» почти невозможно, поскольку рок представляет собой различные виды авторского творчества и включает в себя многообразие жанровых модификаций,

можно выделить комплекс явлений, а также ряд содержательных свойств и огромное количество тем и мотивов, входящих в состав определенной идейно-мировоззренческой концепции, которые характеризуют рок-поэзию в общем.

Субкультура рока была заимствована на двух уровнях: практичном и мифологичном. Практика субкультуры включала в себя жизнь в ее рамках, а также наблюдение за представителями западного рока, их бытом, творчеством и взаимоотношениями. Мифология субкультуры складывалась на основе общего круга культурных интересов. После периода усвоения западного мифа началась его трансформация и адаптация к советским условиям жизни. Как замечают исследователи: «Культурная модель американских шестидесятых, хиппизм, Вудсток, психоделическая и сексуальная революции, битники, культовые фигуры (Харрисон, Леннон, Моррисон, Дженис Джоуплин, Марк Болан, Дилан и др.), увлечение экзистенциализмом, экзотическими религиями (буддизм, кришнаизм, растафарианство) – все это доходило до нас через „железный занавес“ часто в искаженном и неузнаваемом виде, а привившись на советской почве, давало странные всходы – диковинный гибрид, смесь западных образцов и местного колорита. Так, миф психоделиков, связанные с ним имена (Хендрикс, Т-Рекс, Заппа, Донован, Пинк Флойд), расширение сознания англо-американских шестидесятых в Советском Союзе (где наркотики были чем-то загадочно-иностранным и почти никто не знал, что это такое) трансформируется в миф алкоголя. Портвейн и пиво – два „волшебных эликсира“ отечественных рок-текстов – воспеваются у Гребенщикова, Майка, Цоя и оказываются непременным атрибутом быта субкультуры (*Вперед*, *Боддисаттва* Майка, *В подобную ночь*, *Холодное пиво* Гребенщикова)»¹.

¹ И. Кормильцев, О. Сурова, *Рок-поэзия в русской культуре: возникновение, бытование, эволюция* [в:] *Русская поэзия: текст и контекст. Сборник научных трудов*, 1998, <http://a-pesni.org/rok/tver/rokpoezia.php> [доступ: 6.12.2017].

К концу 70-х рок распространяется на всю страну. Большие массы молодежи разного возраста и разной социальной принадлежности начинают влиять на изменение и расширение тем рок-поэзии. Кроме мифа алкоголя в русских рок-текстах появляются сигареты как второй неотъемлемый атрибут жизни ту-совки, то есть блуждания по улицам, сидения на кухне до утра, и так далее. Во многих песнях появляются пьяные персонажи, которые бездействие и пустоту заполняют табачным дымом.

Мотив алкоголя, который часто сопровождает миф табакокурения, пронизывает творчество многих рок-артистов, в частности поэзию Янки Станиславовны Дягилевой и Земфиры Талгатовны Рамазановой – культовых фигур, являющихся олицетворением русского женского рока разных культурных и исторических контекстов. Несмотря на то, что сценическую карьеру обеих исполнительниц разделяет целая эпоха, их творческий стиль, тематика песен и увлечение поэзией Серебряного века позволяет сравнивать Янку и ее преемницу. Янка, представительница сибирского независимого музыкального андеграунда, скончавшаяся через несколько месяцев после распада СССР, при жизни практически не замечалась официальными средствами массовой информации, в то время как Земфира, рожденная в Уфе российская рок-певица, композитор и автор песен, уже несколько лет после выпуска первого альбома в 1999 году, который в 2010 включили в список лучших русских альбомов всех времен, стала выступать на самых масштабных фестивалях России и всего мира. Хотя Дягилева ближе к некоммерческой музыке, а Земфиру причисляют порой к массовой культуре, многие исследователи, а также музыкальные журналисты приписывают второй певице некоторую вторичность или как минимум зависимость от творчества Янки.

Рок-музыка, являющаяся частью контр-культуры, как одно из ведущих направлений в музыке, изначально была связана с идеологическим настроением и протестом против существующих

порядков. На примере Янки, которая при жизни наблюдала тот политический строй и его развал, и Земфиры, подростковые годы которой выпали на расцвет эстетики поп-культуры 90-х, можем заметить, как меняющаяся политическая обстановка, техническое развитие и общедоступная культура западного индивидуализма в противовес русской коллективной традиции повлияли на изменения в рок-культуре, в том числе на развитие и усугубление закона единичности, то есть на постепенную замену темы коллектива и социальных проблем на почти исключительное, чуть ли не романтическое сосредоточение внимания на личных проблемах единицы.

У исследуемых рок-певиц можно обнаружить многочисленные точки соприкосновения творческих систем. Это позволяет говорить о диалогичности их поэзии и семантической неисчерпаемости индивидуального восприятия похожих мотивов. Для Янки и Земфиры характерны тексты наполненные однозначными негативными коннотациями. Любовь ассоциируется со смертью, со страданием, и даже с маразмом. Отношения приносят страдание и боль, так как и каждый очередной день жизни лирического героя, который заполнен усталостью, одиночеством, а в последствие унынием, беспросветной скукой, отчуждением и депрессией. Все это вместе с обаянием воспоминаний и идеей женской свободы и независимости вызывает желание «сесть» на вещества, действующие как антидепрессанты короткого действия, позволяющие отстрочить время следующего контакта с действительностью.

В творчестве обеих исполнительниц можно заметить влияние бардовской традиции. Как Янка, так и Земфира отличается романтическим эскапистским пафосом, а также сильным стремлением к созданию собственного, альтернативного по отношению к реальности мира. Обе певицы реализуют по-своему похожие мотивы, то есть усталость, разочарование, одиночество, утрату, и по-своему «заставляют» своих героев искать убежище в активных веществах.

Несмотря на то, что стихотворения исследуемых авторов носят часто похожий знаковый характер, нельзя забывать о том, что каждая исполнительница создала отдельный мир, обладающий своей внутренней имплицитной семантикой. Разумеется, что каждый коммуникативный акт устанавливает собственную семантику, придает единичное значение используемым знакам. В данной статье автор постарается, однако, провести исследование двух корпусов текстов, в которых в разных контекстах появляются биологически активные вещества, которые рассматриваются как с точки зрения единства данного корпуса на уровне реализации в рамках общей внутренней семантики, так и некоторого сходства обеих корпусов, поскольку сверхстиховые повторы образуют семантическую парадигму, которая раскрывает смысл отдельных фрагментов текста совершенно иначе, чем изолированное рассмотрение одного стихотворения².

Мотив употребления алкоголя и табакокурения не является ведущей, но безусловно значительной частью творчества Янки и Земфиры, поэтому анализ функционирования лексических единиц семантических сфер «алкоголь» и «сигареты» позволяет выявить некоторые особенности восприятия мира лирического героя. По словам Юрия Лотмана «[...] любой отдельный язык оказывается погруженным в некоторое семиотическое пространство, и только в силу взаимодействия с этим пространством он способен функционировать»³.

Хотя, как у Янки, так и у Земфиры, алкоголь и сигареты присутствуют практически в каждой третьей песне и сопровождают прежде всего одиночество и бессилие, но, несомненно, мотивацию употреблять активные вещества вызывают другие причины. Одиночество Янки связано прежде всего с невозможностью найти себя в мире, в действительности, которую она

² См. Ю.М. Лотман, *Структура художественного текста*, Москва 1970, с. 231.

³ Ю.М. Лотман, *Семиосфера. Внутри мыслящих миров*, <http://www.uic.unn.ru/pustyn/lib/lotman.ru.html> [доступ: 1.11.2017].

изо всех сил отрицает. В песне *Стервенею* (*Продано!*, 1989) русская Дженис Джоплин поет: «Я неуклонно стервенею с каждым смехом / С каждой ночью, с каждым выпитым стаканом [...]»⁴, а спасительного рецепта от происходящего так и не находит, поэтому лирический герой предлагает сдаться, создавая некую атмосферу декаданса: «[...] Сядь, если хочешь, посиди со мною рядышком на лавочке / Покурим, глядя в землю [...]» (46). Недовольство, вызванное наблюдением реальности, приводит героя песни, страдающего и горько разочарованного интеллигента, который ощущает себя лишним человеком, к молчанию и пассивности. Опущенный взгляд в сочетании с сигаретой свидетельствуют о том, что лирический субъект сдался, признал себя побежденным и в итоге уступил под давлением чуждого ему мира. Герой рассматривается в контексте нравственной проблематики, но он отвечает только перед собой и только перед собой ему стыдно за его неспособность изменить мир.

В стихотворении *Ад – край* герой признается в том, что он ощущает огорчение, вызванное бессилием и отрешенным отношением к происходящему вокруг. Иногда в нем возникает еле заметное стремление к какой-либо деятельности, но он не способен перебороть в себе апатию: «Улететь нету сил, а лежать не хочу» или «Тяжело здесь лежать, были б силы уйти» (17). Он не знает, как покинуть состояние, в котором он нашел себя, и в итоге начинает шататься на месте: «[...] Или вниз, или с краю чуть-чуть отойти / Хоть на метр – присесть, посидеть – покурить [...]» (17). Опять нерешительность и неспособность героя к жизни отражается в курении, которое замедляет переход из внутреннего маргинального мира во внешний реальный.

Похожую ситуацию мы наблюдаем в песне *Выше ноги от земли* (*Стыд и срам*, 1990), где высокие амбиции заменяет разочаро-

⁴ Я. Дягилева, *Стихи и тексты*, с. 46, http://yanka.lenin.ru/knigi/ya_ha.pdf [доступ: 1.11.2017]. Далее цитирую по тому изданию, указывая страницу в скобках.

вание миром: «Ожидало поле ягоды, / Ожидало море погоды. / Рассыпалось человечеством – / Просыпалось одиночеством [...]» (84). Здесь нет протеста и поскольку хорошего окончания сказочки не будет, то герои ушли в бездействие «[...] И качали головами в такт / И пускали светлый дым в потолок [...]» (84). Несбывшиеся мечты приводят к пассивной позиции по отношению к окружающему миру, что свойственно текстам Янки.

В стихотворении *Синим мячиком с горы прочь голова* сигареты подчеркивают нищету и упадок героини, которая просит о помощи: «Не подходи ко мне – я заразная, грязная / Я тряпочкой рот прикрою от греха / Махни рукой – развеешь дым моих вонючих папирос [...]» (35). Окруженная дымом героиня находится во тьме, в мире лишенным надежды и не верит в то, что она способна обрести внутренний покой. Лирический субъект прячется от остального мира, хотя вполне отдает себе отчет в том, что дым является лишь мимолетным занавесом, а не рациональным выходом.

Следующим указателем неуважения к окружающему миру в поэзии Янки являются окурки, присутствие которых в стихе *Долго красным светом по живым глазам* свидетельствует о пренебрежительном отношении ко всему, чем занимается герой. Лирический субъект не дорожит своим творчеством и, сопоставляя свои тексты со «смятыми бумажками» и «горелыми спичкам», называет их «отходами производства бессонных ночей» (42).

Хорошим примером восприятия алкоголя и сигарет как полного упадка психофизической деятельности является стихотворение *Катится все в пропасть*, где «Все черти покупают бухло / Скоро Праздник в Тартарах» (73). Героиня, не задумываясь, закуривает следующую сигарету, а ее друг, деградирует по-своему, «[...] футбол / Любит смотреть по телевизору / Как гол забьют, он кричит, по коленкам себя хлопает / Переживает» (73). Герои стихотворения принадлежат внешнему миру, то есть миру, который находится вне рок-культуры, и занимают пассивную позицию по отношению

к окружающей действительности. Каждый следующий день напоминает предыдущий, в их жизни нет цели, а сигареты заполняют время бездействия.

Мотив бессилия встречается и у Земфиры, однако здесь фоном для него становится не дымное помещение, а состояние алкогольного опьянения. В песне под названием *Блюз (Вендетта, 2005)*, в которой появляется строчка «[...] Давай выпьем прямо здесь и сейчас [...]»⁵, предложение выпить является последним веянием жизни, поскольку повествователь свободно дышит только приближаясь к мосту, то есть к смерти. Поэт сопоставляет здесь две противоположные семантически области – дыхание как признак жизни и смертельный прыжок как ее окончание, хотя смысл другой: это полная надежды форма ухода от реальности, а не настоящее желание покончить с собой. Смерть не воспринимается в негативном контексте, более того, семантически она ближе предлагаемой пьянке, которая подразумевает полное расслабление с одной стороны, но с другой полное бессилие. Основу сюжета данной песни составляет оппозиция бытие – небытие, которую регулирует динамика чувств героя.

Беспомощность, неспособность без посторонней помощи справиться с чем-либо, которую решает, хотя бы на некоторое время, алкогольное опьянение, можно заметить и в других текстах современной исполнительницы, в частности в словах песни *Мальчик (Спасибо, 2007)*: «[...] Мальчик / Желает быть богом / Но это так трудно и грустно / И так одиноко / Он мне говорил это пьяный / Глядя в глаза [...]»⁶. Мир ставит требования, которые невозможно выполнить, толкает в отчуждение, разочаровывает и приводит к меланхолии и в последствии к одиночеству.

Стоит подчеркнуть, что в поэзии Земфиры указан своеобразный вариант реализации мотива активных веществ. В отличие

⁵ Земфира, *Блюз* [в:] *Вендетта*, 2005, <https://genius.com/Zemfira-blyuz-lyrics> [доступ: 11.11.2017].

⁶ Земфира, *Мальчик* [в:] *Спасибо*, 2007, http://goodsongs.com.ua/song/81981_zemfira_malchik.html [доступ: 11.11.2017].

от Янки, Земфира, упоминая в своих текстах алкоголь и сигареты, пользуется семантикой индивидуальной маркированности. Прежде всего курение как неотъемлемый предмет облика исполнительницы становится не только одним из ведущих атрибутов в ее стихотворениях, но также частью ее сценического образа. В песне под названием *Земфира* (*Земфира*, 1990) она обращается к самой себе словами: «Не бери себе в голову, Земфира, не бери, / Прогоняй ностальгию мимо дымом в потолок, / И не трогай телефон и заусенца, / Ты же можешь, я-то знаю... [...]»⁷. Сигарета появляется как реквизит одинокой женщины, присутствует всегда там, где лирическое я вспоминает прошлое.

Универсальный мотив одиночества у Земфиры встречается в большом разнообразии и определяет путь ее авторской идентификации. Уединение, изоляция и одиночество ярко и самобытно воплощены в лирике рок-звезды. Курительная тематика сопровождает моменты, в которых вспоминается прошлое, когда потерялись самые близкие люди, а интенсивность внутренних переживаний измеряется выпускаемым дымом. Персонажи из прошлого исчезают из памяти как кольца дыма, а сигареты берут на себя функцию знака-индекса глубокого душевного кризиса, указывая прямо на внутренние переживания и тоску, которой пропитан сюжет. В песне *Знак бесконечность* (*Четырнадцать недель тишины*, 2002), начинающейся со слов «Я хочу, чтобы во рту оставался честный вкус сигарет [...]»⁸, Земфира не хочет выпустить табачный дым, который символизирует воспоминание о самом близком человеке. Толкование слов дым и дух для нее тождественно. В песне *Так и оставим* (*Вендетта*, 2005) «грусть и сигареты» сопоставлены в одной строчке, что указывает на семантическое

⁷ Земфира, *Земфира* [в:] *Земфира*, 1990, <http://www.karaoke.ru/song/3510.htm> [доступ: 11.11.2017].

⁸ Земфира, *Знак бесконечность* [в:] *Четырнадцать недель тишины*, 2002, <http://www.karaoke.ru/artists/zemfira/text/beskonechnost/> [доступ: 16.11.2017].

сходство значения курения в творчестве поэта⁹. Когда дым уносится в воздух, появляется желание остановить его, вернуть давно минувшие времена. Наиболее дословно это сказано в песне *Сигареты* (*Прости меня моя любовь*, 2000): «Если бы можно в сердце поглубже вклеить портреты. / И я на память оставлю свои сигареты»¹⁰.

В творчестве Земфиры без труда можно обнаружить логическую цепочку, которая позволяет говорить о целостности вымышленного мира автора. Сигареты всегда близки лирическим субъектам, поскольку они напоминают или даже персонифицируют тех, кого не хватает в данный момент. Когда прошлое и мучительные воспоминания о нем становятся нежелательными, герой подводит итоги и уходит, «[...] оставляя горы окурков»¹¹. Окурок является художественной деталью, конденсатором идеи автора, который характеризует лирического героя. Эта подробность несет значительную смысловую и эмоциональную нагрузку. Слово «горы» указывает на большое количество выкуренных сигарет и на то, что герой хочет оставить в прошлом не только длинный, но также значительный период своей жизни. Персонаж-курильщик уходит, но воспоминания о прошлой жизни возвращаются как вредная привычка, от которой нельзя избавиться одним решением: «[...] И снова ночь. Стрела отравлена ядом / Я никогда, никогда тебя не оставлю / Ты полежи со мною неслышно рядом»¹². Деталь фиксирует внимание на неустойчивости и мимолетности отношений.

Если на протяжении девятнадцатого столетия персонажа-курильщика соотносили с архетипом мыслителя, трубка

⁹ Земфира, *Так и оставим* [в:] *Вендетта*, 2005, http://www.lyrics.by/zemfira/s2005a1_04.html [доступ: 16.11.2017].

¹⁰ Земфира, *Сигареты* [в:] *Прости меня моя любовь*, 2000, <https://www.gl5.ru/zemfira-sigareti.html> [доступ: 16.11.2017].

¹¹ Земфира, *Итоги* [в:] *Вендетта*, 2005, <http://musiccircle.ru/Zemfira/Itoги.htm> [доступ: 16.11.2017].

¹² *Ibidem*.

Wydawnictwo
Uniwersytetu Gdańskiego

ISBN 978-83-7865-726-2